

лицизмы, слова неаполитанского диалекта, свидетельствующие о том, что с литературным итальянским языком язык герцога Антонино так по-настоящему никогда и не совпадал.

Прозой он владел несомненно искуснее, чем стихом. Переводя «Посвящение» и «Историческое предисловие», он чувствовал себя в своей стихии, и здесь дух подлинника сохраняется куда отчетливее.

Перед поэзией же он беззащитен. В его арсенале не находится самых примитивных средств для воссоздания умелой херасковской риторики. Антонино то слишком плосок, то излишне напыщен и в результате достигает лишь нагромождения темных запутанных периодов.

Конечно, как было сказано выше, от перевода «Россиады» остались только первоначальные наброски.

Изысканный перевод «Посвящения» и «Исторического предисловия» остается для нас данью уважения, которую он намеревался принести русскому языку и русской литературе. Что же касается напрасно затраченного труда на придание итальянской формы восьмидесяти стихам «Россиады», то он был щедро вознагражден восьмьюдесятью тысячами рублей Анны Вяземской, которые, вне всякого сомнения, явились для несостоявшегося поэта тем живительным бальзамом, реальность которого иногда лечит горести, порождаемые несбыточными мечтами.